

смертный час. Одному подавай его гульдены, другому приведи его девку, – и плачут они потому, что жаль расставаться с тем, чем владеют, а вовсе не потому, что стыдятся грехов и желают покаяться перед Господом. Поэтому, как сказал мудрец, уход из нашего мира горек. О смерть, как нестерпима мысль о тебе человеку, дорожащему тем, что у него есть. Но если и мысль о смерти нестерпима, насколько же нестерпима должна быть сама смерть?

11

Жил-был мужик, изрядный дурень, державший добрый сыр не то в корзине, не то в комод, да только сыр этот ели мыши. И была у того мужика здоровенная кошка, и посадил он ее в корзину стеречь сыр. А кошка возьми да и сожри и мышей и сыр. Не так ли ведут себя светские и духовные князья, назначая, к примеру, чиновников над простым людом, которые, под предлогом, допустим, наказания, грабят людей как хотят, а потом и убивают, и высасывают из них кровавый пот, – а именуются при этом пастырями и стражами, но никто не сторожит от них, и бедному человеку приносят они сплошной вред что в саду, что в огороде. Да разве ж это дело – крыть крышу не кровлей, а кровельщиком, разве от этого станет в доме тепло и сухо?

12

Шли однажды на войну, с оружием и с обозом, как водится, и попался им навстречу дурак и спросил, чем это они промышляют. Ему ответили, мол, идут на войну. А дурак спросил: «Что такое война?» Жжешь деревни, говорят ему, берешь приступом города, губишь вино и хлеб и убиваешь кого ни попадя. «А зачем?» – спрашивает дурак. «А затем, чтобы наступил мир». Дурак и говорит: «А ведь лучше было бы сразу наступить миру, а всем этим бедствиям не случиться вовсе. Выходит, я умней ваших вожаков, потому как, по мне, лучше заключить мир перед войной, а не после нее».

13

Это случилось во Франции, жил-был там один аббат, высокородный господин, и держал он при себе шута. Шут же этот был самого кроткого нрава и никогда не досаждал никому ни речами, ни делами, как бы над ним при том ни издевались. Но вот однажды пригласил к себе аббат одного чужестранца, дворянина, а у того был огромный нос, да вдобавок еще и перебитый. Только сели за стол, собираясь приступить к трапезе, как шут уставился на гостя, дивясь величине его носа, да не сводил с него глаз – и наконец, опершись локтями о стол, потянулся к нему и спросил: «Почему это у тебя такой большой нос, разве такое бывает?»

Ах ты, господи, добрый гость смутился и покраснел. Аббат же поведал слугам: «Вышвырните дурака отсюда!» Слуги пинками прогнали шута, приговаривая при этом: «Ты, должно быть, спятил!» А шут подумал: сам напаскудил, сам же и подотру. И как только решил, что о нем забыли, вернулся в зал, делая вид, будто ничего не произошло, обошел стол кругом, облокотился на него и сказал гостю: «Ах, какой у тебя крошечный носик!» Гость оскорбился пуще прежнего, а дурака опять вышвырнули из-за стола. Но через какое-то время он вернулся в зал, снова подошел к чужеземцу и воскликнул: «Бог свидетель, есть у тебя нос или нет, меня это совершенно не касается!» Тут уж он хватил через край. Так и бывает со всеми льстецами и лицемерами, которые, вроде как этот шут, хвалят и славят и надеются на ответную ласку, но чем больше хвалят они, тем хуже с ними обходятся, и любви к ним не больше, чем к собаке, смахнувшей кувшин со стола хвостом.

14

Один слуга нахваливал своего господина. Тот же сказал ему: «Почему ты меня хвалишь? Мне кажется, ты хочешь предать меня, раз ты меня так хвалишь, или же ты дурак или уже предал. Разве не видишь ты во мне никаких изъянов? Тогда ты точно круглый дурак. Если же видишь изъяны мои и пороки и не предостерегаешь меня противу них, значит, ты меня предаешь». Вот такой справедливый был господин.

15

Рассказывают доподлинно, что один дворянин купил должность наместника над многими городами и весями, как это иной раз бывает. Стал он объезжать свои владения – и в каждом селе, в любом городе велел людям присягать себе на верность. И всюду, куда ни приезжал, славили его почтенные люди и несли ему в дар всякую всячину, тот одно, а этот другое, кто чем, как говорится, богат. И был при нем писец, составлявший список даров и дарителей. И честные люди радовались такой дотошности и полагали, что список ведут для того, чтобы не забыть их имен и отблагодарить дарителей в свой черед. Так они и говорили друг дружке и спешили превзойти один